

Карина Барсенова

Цена стража

Карина Сарсенова

Цена страха

«Грифон»

2017

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Сарсенова К. Р.

Цена страха / К. Р. Сарсенова — «Грифон», 2017

ISBN 978-5-98862-356-4

Желания и страхи – это вехи на нашем пути. Ступеньки лестницы, по которой мы поднимаемся, развиваясь духовно, интеллектуально, эмоционально. Нельзя перепрыгнуть через ступеньку. Всякий страх и любое желание возникают точно в положенное им время, отражая готовность нашей души к их преодолению и реализации. Страх предваряет и сопровождает исполнение желания. И чем сильнее желание, тем сильнее страхи. Иногда человек их не осознаёт. Иногда они материализуются в виде препятствий на пути. Но желание исполнится лишь в том случае, если наша душа готова к этому. Если убрать с пути страх, не преодолев его, не поработав с ним, вы никогда не поймёте, чего на самом деле хотите. И желание не исполнится так, как вы о том мечтали. Заветные желания сопровождаются самыми сильными страхами... Об этом – в новой книге Карины Сарсеновой.

УДК 821.161.1-34

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98862-356-4

© Сарсенова К. Р., 2017

© Грифон, 2017

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Карина Сарсенова

Цена страха

© Сарсенова К., 2017

* * *

Карина САРСЕНОВА

Поэтесса, писатель, психолог, сценарист. Член Союза писателей России, золотой лауреат Евразийской премии, золотой лауреат международной премии «Золотое Перо Руси», кавалер медалей Литературный Олимп, а также Маршака и Лермонтова, кавалер почетного знака «Тру-

довая доблесть России», член-корреспондент Международной академии интеграции науки и бизнеса. Основоположник нового литературного жанра «Неоэзотерическая фантастика». Автор 19 книг, изданных в Казахстане, России и Китае. Фантастические рассказы Карины Сарсеновой вошли в сборники российской фантастики «Историкум», «Милитариум» и «Конспирациум». Написанные ею психологические портреты великих личностей времен Второй мировой войны: Жукова, Берии, Монтгомери, Ольги Чеховой опубликованы в исторических книгах об этих людях. Основатель и генеральный продюсер компании «KS production», занимающейся созданием и продвижением музыкальных, театральных и кинопроектов. Основатель и драматург театра авторского мюзикла «Триумф».

Готовится выйти в широкий прокат мистический триллер «Хранители пути» по сценарию Карины Сарсеновой, написанному на основе первой части одноименной книги писательницы (Гран-при Германского международного литературного конкурса русскоязычных авторов в 2015 году). В ролях: Светлана Ходченкова, Марко Ауджелло, Фархад Махмудов, Равшана Куркова, Мария Семкина, Меруерт Мусрали и другие.

* * *

Эта книга о тебе, читатель. О твоих радостях и проблемах. О достижениях и неудачах. О страхах и желаниях. Психологи утверждают: в основе любого нашего выбора лежат страхи и желания. То, чего мы боимся и чего хотим, влияет на наши мысли, чувства, выборы, слова и действия. Чтобы стать чуть более счастливым или успешным (а если повезёт – то обогатить свою душу двумя этими состояниями), нужно ничтожно мало. Всего лишь научиться обращаться со страхами и желаниями. Но прежде чем что-то с ними начать делать, необходимо найти их истоки. Укорениться сознанием в собственном подсознании. Позволить себе стать творцом личной судьбы. Добавим пафоса: каждый человек – это Бог в принадлежащем ему пространстве и мире. В мире личности, ума, души, выбора.

Книга поможет тебе, читатель, лучше узнать себя и найти более эффективные пути самореализации. Новая книга – всегда новая возможность мыслить иначе и закономерно получать новые, желаемые результаты. Всё зависит от сделанного выбора, читатель. Удачи тебе в пути!

Глава 1

Музыка всегда

Всё упрямство мира вселилось в эту чёртову бабочку. Она «ныряла» между пальцами, тщетно пытавшимися укрепить временный, но очень важный союз рубашки и аксессуара, упорно сминала приданную ей форму, выскользнула из вспотевших рук на свежeweымытый паркетный пол.

В какой-то момент Скрипач по-японски уверился в одухотворённости непокорного предмета. Слишком уж очевидным был присущий ему характер.

Или же он просто отражал его собственное упрямство и категоричность...

Кое-как закончив прилаживать к воротнику непослушную деталь торжественного образа, Скрипач облегчённо вздохнул. Изрядное количество полиэстера в ткани сделало своё чёрное дело. Не поспоришь – синтетика нужна, она придаёт вещам должную форму и жизнестойкость, но пропорции – вот что главное!

Не только в одежде, но и в любом деле, а в искусстве – особенно...

Излишне жёсткие крылья аляповатыми бордовыми пятнами уродовали отражение в зеркале. Беззвучно выругавшись, маэстро сорвал с шеи ненавистный предмет и отшвырнул его подальше. Нет, ведь просил же он, просил покупать бабочки исключительно с девяностопроцентным содержанием шёлка!

Всё нужно делать самому...

Резко распахнув жалобно заскрипевшие дверцы антикварного, угрожающе массивного, словно вобравшего в себя всю тяжесть прошедшего века шкафа, Скрипач рванул неожиданно тонкую горизонтальную полочку и принялся сверлить гневным взором распластанные перед ним разноцветные крылья.

Вдруг, решительно выбрав жертву, он занёс над ней руку и ловким движением выхватил из средоточия дизайнерской роскоши желанный трофей.

– Ты готов или тебе помочь? Мы так на церемонию опоздаем!

Насмешливый женский голос заставил мужчину вздрогнуть, вернув его в поток текущей реальности.

– Иду уже... – сквозь стиснутые зубы чуть слышно пробормотал он, прикладывая бабочку к смокингу. – Классика всегда на высоте...

Внезапно глаза его засияли от осознания подлинного счастья. Сегодня исполнилось двадцать пять лет их с Елизаветой браку. Браку с женщиной, которая четверть века являлась его настоящим другом и единственной любовью.

Её имя переводилось с греческого как «Дар Божий». Елизавета... Будучи гражданином мира (маэстро давно, ещё на заре музыкальной карьеры уехал из родной страны), он никогда не переживал из-за народных традиций. Брак только между представителями одного этноса? Что за ерунда! Век глобализации полностью соответствовал его широкой душе.

Если любить – то по-настоящему, без предрассудков.

Если творить – то с мировым размахом!

Весь мир лежал у его ног, проложивших путь к новым вершинам музыкальной классики!

Ну... почти весь.

Как чудесно и явно неспроста, что именно в столь значимую годовщину их совместной жизни его, одного из ярчайших скрипачей современности, награждают самой уважаемой премией в мире искусства.

Ещё месяц назад он, человек советского воспитания, с уверенностью заявил бы, что это пусть и радостное, но всё-таки простое совпадение. Но сегодня, спустя ровно тридцать один

день, как и было обещано с момента той знаменательной встречи, он знал наверняка: судьба существует, как существуют и те, кто управляет ею.

Воспоминания нахлынули с небывалой яркостью. Так происходит перед наиболее значимыми в жизни событиями: явь мешается со сном, прошлое с будущим, внедряясь в настоящее и меняя его кардинальным образом.

Глядя в глаза своему зеркальному отражению, он снова мысленно пережил ту таинственную встречу.

Глава 2

Встреча

Человек приближался к столику, и каждый его шаг приглушал звуки, живо вальсирующие в напоенном ароматами высокой кухни воздухе. Ароматы ускользали вслед за музыкой и голосами, растворяясь в их остаточных тенях... А сам воздух ощутимо разреживался, расступался, исчезал, освобождая место идущей сквозь него фигуре...

Она же, с момента своего появления в ресторанном зале плохо видимая, окружённая туманным ореолом, с каждым мгновением, с каждым вздохом Скрипача уплотнялась, приобретала чёткость, объём и поразительное средоточие жизненной силы.

Вдруг Скрипач явственно разглядел сияющий поток света вокруг силуэта человека. Свет возникал из ниоткуда и мягко растекался по голове, плечам, рукам незнакомца...

Каждый новый шаг прибавлял свечению яркости. В какой-то момент маэстро едва не опрокинулся вместе со стулом, отшатнувшись от ослепляющего сияния. Он зажмурился и тут же открыл глаза.

Человек, в котором было что-то необыкновенно привлекательное, на которого хотелось смотреть и наслаждаться непонятным блаженством его со-общества, стоял прямо перед ним.

* * *

– Маэстро! – замерев возле столика, незнакомец чуть поклонился, сняв элегантную, несколько старомодного фасона шляпу.

Сияние исчезло, но магнетическая сила осталась. Свет будто вобрался в незнакомца, усилив его власть над реальностью.

И реальность не замедлила измениться.

«Джентльмен!» – едва не сорвалось с губ музыканта. Он хотел было подняться навстречу гостю, но незримая сила удержала его на месте, свинцовой тяжестью влившись в поясницу и ноги.

– Не стоит, сидите, пожалуйста! – отвесив ещё один галантный полупоклон, незнакомец мягко уселся на услужливо отодвинутый официантом стул. Какой, однако, быстрый юноша... Скрипач готов был поспорить, что всего лишь секунду назад в поле его зрения не было ни одного служителя ресторана.

Быть может, он настолько увлёкся созерцанием приближающейся персоны, что все остальные детали окружающего мира попросту выпали из сферы его восприятия.

Мысли, как испугнутые птицы, пролетали на периферии сознания и тотчас исчезали, не привлекая к себе особого внимания.

– Позвольте выразить искреннее восхищение вашим гением, маэстро! – незнакомец внезапно заговорил, и Скрипач вздрогнул всем телом, распугав очередную стаю подлетающих мыслей. – Я неизменный поклонник вашего творчества! Ваша игра поражает воображение! Она захватывает дух и уносит его за все возможные пределы! Да что там, вы сами, маэстро, есть не что иное, как подлинная беспредельность! Ваша душа необъятна, как и ваш талант! Позвольте просить вас оказать мне честь совместной беседы! Уверяю, я не позволю потратить на меня много вашего бесценного времени!

«Джентльмен!» – снова чуть не слетело с губ маэстро.

Расположившийся перед ним незнакомец не мог быть никем иным, кроме как воплощением настоящей интеллигентной мужественности.

Безупречного покроя светло-серый костюм идеально сидел на высокой сухопарой фигуре. Прямая осанка, с достоинством, без вызова развёрнутые плечи, аристократически приподнятый подбородок, волевой, но не высокомерный взгляд...

Мастерски подстриженные и уложенные седые волосы...

Впечатляюще высокий, испещрённый выразительными морщинами лоб... Очки в тонкой, едва заметной золотой оправе... Ненавязчиво дорогие часы на ухоженной руке...

Но главное – острый и пылливый ум в блестящих, полных сияющей жизни, пронзительно-синих глазах.

Маэстро знал, почему сидевший напротив человек завладел его вниманием сразу и бесповоротно. Он был материализовавшейся мечтой Скрипача.

Его представлением о самом себе, идеальным образом успешного во всех своих начинаниях представителя творческой и интеллектуальной элиты мира.

Признанным гением науки или культуры, а может быть – того и другого одновременно.

Джентльменом в современно доработанном, расширенном смысле этого слова.

Идеалом мужественности вне времени.

Внезапно материализовавшимся в физическом облике полусознательной мощной силы – «Сверх-Я» Скрипача.

Очарование лицезнением воплощённой хоть и в другом человеке, но оттого столь ярко доказательно возможной мечты не рассеялось даже при медленно просыпающемся чувстве глубинной зависти.

Сознательное эго и внутренние ресурсы психики схватились в жестоком бою.

Зависть – чувство обычное, привычное негативное отношение к преуспеваю в чём-то другого (а часто – даже себя, ведь душа состоит из множества прежде воплощённых образов), столкновение дремлющих ресурсов и томящихся от неиспользованности возможностей.

Есть зависть – имеется и путь духовного роста.

А вот зависть к осознанной возможности собственного успеха – переживание куда более тонкое и скрытое.

Находясь в основе страха перед достижением успеха, перед свершением собственных надежд и планов, оно исходит из пестуемой неготовности к переменам, которые неизбежно будут его ожидать, если желания исполнятся, а цели окажутся достигнутыми...

* * *

– Маэстро, – будто не замечая зачарованного молчания Скрипача, продолжал восхищенный незнакомец, – позвольте вас поблагодарить за тот бесценный вклад в мировую культуру, которая, я уверен, без вашего в ней участия пошла бы совсем другим путём и неизбежно скатилась бы в пропасть бездарщины и антидуховного беспредела!

С каждым новым словом блеск глаз незнакомца становился всё ярче, а голос всё мелодичнее.

Сине-голубое сияние его взгляда, казалось, разливалось вокруг потоками небесной лазури. В ней растворялись окна и двери, скатерти и столы, люди и звуки...

Одно лишь звучание голоса незнакомца (а он, изначально мелодичный, сейчас воспринимался Скрипачом водопадом наипрекраснейшей, неземной музыки) заполняло собой Бытие...

* * *

В какой-то момент, им не уловленный, маэстро обнаружил себя парящим посреди бесконечной голубой бездны.

Ослепительное сияние переливалось внутри самого себя и расширялось, мягко вливаясь в самосознание, мысли и чувства...

Личное существование вышло за привычные пределы, и бесконечность сделалась им самим...

Давно забытое ощущение возродилось в нём, разбуженное этой беспредельной синевой: он есть бессмертная душа, и творчество всегда служило ему средством для её проявления...

Радость, умиротворение и благодать качали его на волнах Единства внешнего и внутреннего мира.

Он был душой и был всем миром.

И отсюда, из этой глубины и высоты, он увидел всё своё прожитое и ожидаемое в прожитии бытие...

* * *

– Чего ты боишься больше всего на свете?

Вопрос, заданный неожиданно жёстким и требовательным тоном, хлестнул по душе больно, с оттяжкой.

Поддавшись рывку извне, музыкант словно пролетел сверху вниз через какой-то чёрный тоннель, громоздко упал в собственное тело, мимолётно увиденное при этом, и внезапно осознал, что сидит за столиком в ресторане и неотрывно смотрит в глаза сидящему напротив незнакомцу.

– Вритиэль, – рот открылся сам собой, и чудное слово вырвалось наружу, как крупная птица из слишком тесной клетки.

Знание находит точный момент для возрождения.

– Я знаю своё имя. И твоё тоже. Так что же ты хочешь больше всего на свете, Мирзо?

Сознание оставалось расширенным и управлялось какой-то силой извне. Секунды стучали в привычном ритме через его сердце, но одна вдруг вспыхнула ярче остальных.

Озарение было кратким, но навсегда оставило след в его душе.

След взаимосвязи с Богом в любой момент бытия.

Ведь именно Его он и почувствовал в той внешней силе.

Озарение послужило новым толчком. Всё-таки жизнь пинает не зря! Кто не хочет идти самостоятельно, будет препровождён вперёд силой.

Ответ пришёл тоже сам по себе. Да что там! Он жил в его душе очень долго, возможно, даже до его рождения!

Волны древней памяти поднялись и накатили на маэстро бурно сменяющимися образами, лицами, запахами. Но почти сразу же улеглись, оставив после себя на поверхности сознания, как прилив оставляет сна песке морские сокровища, одну картинку...

Одно чувство...

Одну фразу...

* * *

– Я боюсь умереть.

И тут же, застигнутый врасплох собственной откровенностью, поспешил себя исправить.

– Умрут все. Смерть неизбежна. Но я боюсь смерти моего творчества. Когда я думаю о том, что моё творческое имя рассеется прахом в памяти потомков, что мои многолетние труды будут никому не нужны, а моя музыка перестанет волновать сердца людей... Ужас и отчаяние от страшной несправедливости рвут меня на части!

Взгляд Вритиэля обжигал ледяным холодом. Его голос, жестокий и властный, был неузнаваем. Черты исказились, и маэстро с ужасом созерцал совершенство потрясающе иного рода.

Совершенная жестокость была воплощена сейчас в человеческом лице.

– К чему тебе твой страх, Мирзо? Отдай его мне!

Холодный пот прошиб Скрипача.

Поверхностное сознание, эго, приходило в себя и восстанавливало утраченную было власть.

Перед ним сидит сумасшедший! Как же он сразу не догадался! Елизавета, психиатр со стажем, неоднократно рассказывала супругу об удивительной способности больных с расщеплением личности менять маски, полностью при этом срастаясь с ними.

С безумцем нельзя спорить. Он убьёт его прямо здесь, посреди ресторана! Сумасшедшие следуют за своими иррациональными импульсами, и они не заботятся о последствиях.

– Отдай свой страх мне! – продолжал настаивать безумец.

Скрипач нервно огляделся. Посетители с удовольствием вели беседы и поглощали ароматную еду. Звенели бокалы. Хрустально чистый свет, приглушённый шум голосов настраивали на миролюбивый лад.

Но сознание Скрипача металось в огне внутреннего ада. Что делать? Как спастись?!

Маэстро нутром чуял превосходящую силу врага.

Если он закричит или побежит, безумец вмиг воткнёт ему в шею столовый нож. Поднеся трясущиеся руки к лицу, Скрипач с силой сжал ладонями виски.

Сердце выпрыгнуло из груди и отбойным молотком застучало в голове.

– Мирзо, отдай мне твой самый кошмарный страх!

– Да забирайте его, забирайте!

Не в состоянии дальше вести бой неравных сознаний, Скрипач сдался.

Дать сумасшедшему то, что он просит! С больными опасно спорить.

Да и сил уже не осталось ни капли...

– Хорошо.

Спокойный, полный тепла и сострадания голос протянулся к душе Скрипача лучом солнечного света.

Подняв голову, маэстро с изумлением уставился в пронзительные, сияющие глаза прежнего Вритиэля.

Глава 3

Одиночество

Море умиротворённо дышало под ласковыми разливами солнечного света. Дневной жар развеялся маревом некогда обжигающего воспоминания, и вечер плавно вступил в свои законные права.

На подступах, где-то там, за горизонтом, стояла ночь. Её тёмный покой манил и пугал, соблазнял и наказывал, обещал и обманывал...

* * *

Волны неспешно, с чувством целовали её босые ноги. Глядя на заходящее солнце, Виктория не ощущала его тепла, не видела его света.

Её взгляд, проникая сквозь раскалённый диск, блуждал в притаившейся за ним тьме.

Тьма звала её.

Кажется, повторяла её имя...

Закрыв глаза, Виктория постаралась сконцентрироваться на звуке. Так и есть! Её имя отчётливо прозвучало из самой сердцевины ночи. Солнечный свет не проникал в глаза через тонкую плоть век.

Что-то мешало ему...

Что-то поглощало его...

И совсем скоро это что-то поглотит и саму Викторию.

Кто не различает свет, обречён сгинуть во мраке.

Раньше Виктория испугалась бы подобного утверждения. Но сейчас она радовалась ему. Так радуется ленивый школьник отменённому уроку. Так радуется нерадивый студент срыву экзамена из-за болезни профессора. Так радуется человек, впустую проживший отпущенные ему годы, их близкому завершению.

Сегодня вечером она умрёт.

Она ничем не болела. Здоровье редко подводило её, но она не сумела отыграть этим козырем у судьбы успешную карьеру или глубокий интерес к профессии.

Она не страдала из-за глубоко несчастной любви. Она вообще никогда не любила. Не горевала по умершему ребёнку.

Она никому не подарила жизнь.

Настало время отнять её у себя самой.

Виктория открыла глаза и взглянула прямо в лицо угасающему светилу.

Она давно не обвиняла ни его, ни Бога, ни даже себя в провале собственной жизни. В её пустоте и никчёмности.

Не отчаяние, но безысходность наполняло её душу.

А ещё – надежда.

Виктория надеялась, что жизнь прервётся окончательно вместе со смертью тела. И что её сознание угаснет навсегда.

И что вечной души не существует.

* * *

Ведомые принятым решением, её ноги начали двигаться сами собой.

Постепенно, шаг за шагом, она входила в тёплую морскую воду. Волны мягко накатывали и тут же предупредительно отступали. Виктория погружалась в дыхание огромного водного тела.

Море охотно принимало её в нежные предзакатные объятия...

Едва солнце спрячется за горизонтом – её дыхание навсегда растворится в приветливой морской бездне.

В последние минуты жизни Виктория остро, как никогда раньше, ощущала взаимосвязь с огненным сердцем бытия, с солнцем...

И вдруг его раскалённые лучи буквально впились ей в ногу.

Боль, дикая, невыносимая, сильнейшая из всех, когда-либо перенесённых ею в жизни, разорвала плоть.

Огненная лава бурным потоком полилась по венам, сжигая всё на своём пути.

Истошно заорав, Виктория заметалась во внезапно ставшей вязкой и тяжёлой воде.

Выбраться, поскорее выбраться на берег! Выйти из воды!

Судороги сводили агонизирующую конечность, огонь терзал хрупкую плоть.

Вода, недавний союзник, вмиг превратилась в злейшего врага. Волны, казалось, нарастали, самая маленькая из них поднялась до размеров девятого вала.

Проснувшимся хищным чудовищем море тащило Викторию в ненасытную утробу смерти.

– Помогите!

Сила собственного крика едва не оглушила её. Борясь с агрессивной стихией, она слабела с каждой секундой.

Цена за последующий вдох оказывалась вдвое выше предыдущей!

– Помогите!

Ворот блузки потянул её назад с такой силой, что Виктория почти задохнулась.

Ткань протестующе взвизгнула, разодравшись с необычайной лёгкостью. Треск рвущегося шёлка смешался с новым воплем Виктории.

Кто-то сзади оставил в покое её одежду и взялся непосредственно за тело.

Забыв про невыносимую боль в ноге, она вцепилась в чужие руки, почти содравшие с неё скальп. И кричала до тех пор, пока их владелец не вытащил за волосы её, мокрую и извивающуюся, на колючий коралловый песок.

* * *

– Поцелуй летучего голландца. Очень плохо.

Приятный женский голос развеял тьму.

Звёзды сияющими искрами замерцали на небосклоне.

– Слишком рано... – слова вырвались неожиданно для неё самой, вернув Викторию в отвергнутую ею реальность.

И вместе с ней вернулось и ощущение боли.

– А-а-а-а! – протяжно разнеслось над пляжем.

– Бедняжка, тут и не так заорёшь! Ты можешь не выжить. Боль, знаю, дикая. Я медсестра и сюда пришла прогуляться. И вовремя! Обычно человек умирает, если в первые же минуты не оказать требуемую помощь. У меня привычка такая – таскать в сумке средство от голландца. Сейчас я обработаю рану... Ой, сколько щупалец! Да у тебя не нога, а желе! Здорово тебя голландец обнял, страстно! Подожди, я перчатки надену. Ты кричи, кричи! Так легче боль переносить. Во-о-от... Отрываю щупальца... Стрекалок-то тьма... И все у тебя в коже! Вытаскиваю по одной... Та-а-ак... Ещё потерпи маленько. Кричи, я привычная, сколько криков наслушалась! Перевязки, уколы, да и голландцы эти... Чёрт бы их побрал...

Оглашая окрестности воплями и стонами, Виктория, периодически вырывая сознание из когтистых лап боли, сумела всё же рассмотреть спасительницу.

Фокусируя внимание на хрупком девичьем силуэте, заботливо склонившемся над её истерзанной плотью, она замучила себя попытками соотнести насыщенную недавность прошлого и выразительность настоящего.

Как могла эта слабая на вид девушка, почти совсем девчонка, вытащить её, довольно крупную взрослую женщину, из порядочной морской глубины?!

Несмотря на переживаемый шок, Виктория отчётливо помнила хищную жадность океанской бездны, заглатывающей её в своё тёмное беспределье...

– Вы... Кто? – речь давалась с великим трудом, будто адское пламя выжгло в сознание все смыслы и значения.

Борясь с пожирающей болью, Виктория чувствовала себя оставленной один на один с первобытными страхами и вожделениями.

Никогда ранее она так не боялась смерти, как сейчас.

И никогда раньше она не желала умереть столь сильно.

– Нельзя сдаваться, – девушка подняла голову и посмотрела на Викторию в упор.

Её глаза светились в ночи странным голубоватым светом.

«Холодный свет, как свет луны», – пронеслось в воспалённом сознании страдальцы.

– На самом деле мои глаза отражают только то, что ты готова в них увидеть.

Неожиданность реплики застала Викторию врасплох. Страх ледяной волной накатил откуда-то изнутри.

Дёрнувшись, Виктория попыталась поджать больную ногу под себя.

– Если ты это сделаешь, то умрёшь, – спокойно заявила девушка, продолжая обрабатывать рану.

Потрясённая отрешённостью её взгляда, Виктория заплакала.

Именно эту отрешённость, а ещё – покой искала она в вечном забвении.

– Я хочу умереть! – крик Виктории пронёсся над морской поверхностью.

Лёгкая рябь сменилась более крупными волнами.

Или ей это только показалось?

– А что же тогда не умерла? – ирония в голосе девушки смягчалась хорошо различимым сочувствием. – Если что-то хочешь по-настоящему, желание сбывается.

– Дай мне умереть!

Виктория попыталась оттолкнуть девушку, но её руки прошли сквозь ночную пустоту. Поражённая, она застыла с открытым ртом.

Вот же она, её незваная спасительница! Сидит рядом с ней на остывшем песке!

Виктория протянула руку и робко прикоснулась к хрупкому силуэту. И снова палец пронзил пустоту.

– А-а-а-а-а!!!

Истошный вопль всполошил прибой.

– Не кричи ты так! Чего боишься? Смерти не боишься, а от меня коленки трясутся? Какая тебе разница, кто я? Ты нуждалась в помощи. Ты просила её у меня. И я пришла. К тебе, между прочим. А ты толкаешься и голосишь.

– Ты кто? Призрак? – дрожащие губы едва выговаривали слова.

– Нет, я не призрак. Но можешь считать меня призраком, если хочешь. Ты же всё равно смерти искала. Если бы умерла здесь, наверняка бродила бы призраком по этому пляжу. Вечно.

– Оставь меня. Я хочу умереть. Но не сумасшедшей. Я хочу умереть добровольно. В полной ясности ума.

Голос Виктории окреп и звучал всё увереннее. Поразительное дело, но о боли она совсем забыла.

Или это чудодейственное лекарство помогло?

– Хм. И это твоё состояние сознания ты считаешь нормальным? Полный депрессняк и попытка самоубийства? По-твоему, себя убивают самые трезвомыслящие из людей? Это что, эволюция наоборот? Лучшие мрут первыми?

– Я далеко не лучшая. Я неудачница, и жизнь моя не имеет смысла. К чему топтать землю, мешать людям?

Лунный свет в глазах девушки усилился и приобрёл звёздную яркость.

– Вот так ты рассуждаешь о собственной жизни? О положенных тебе испытаниях? О своих достижениях и успехах?

– Достижениях?! – ярость в долю секунды растворила в себе боль и страх. Сжав кулаки, Виктория вонзила их в плотный песок. – Успехах?! Да я провалила всю свою жизнь! Полное фиаско везде, куда ни посмотри! Три высших образования, но я не нашла себя ни в одной профессии, и моё последнее место работы – уборщица в ночном клубе! Уборщица!!! Я, с отличием окончившая юрфак и консерваторию! И профессиональное знание психологии не помогло понять себя! Нет семьи! Я никогда никого не любила! У меня нет детей! Я не дала шанса родиться моему единственному ребёнку, убив его на раннем сроке, потому что мужчина предал меня! Я не заслуживаю жизни! Я хочу умереть!!!

Ярость схлынула, прибойная волна с тихим шелестом ушла обратно в море. Холодный лик луны смотрел на Викторию через глаза таинственной незнакомки.

Опустошённая, она парила в сиянии этого удивительного взгляда, постепенно погружаясь в него.

В какой-то момент взгляд девушки стал для Виктории целым миром.

Исчезли море и пляж, стихли шум волн и шёпот ветра.

Переливы чудесной музыки приняли Викторию в объятия тончайших вибраций.

Музыка исходила из неисчислимого множества ярких звёзд, кружившихся в тёплом золотом свете.

Миллионы солнц царственно полыхали в эпицентре мистического танца космоса.

Чья-то рука ласково коснулась её щеки.

Вздвигнув, Виктория моргнула и вновь оказалась на тихо дышащем морском берегу.

Рука незнакомки легла на плечо, и в этом незамысловатом жесте было столько любви и понимания, что слёзы сами собой закапали на холодный песок.

Но и сквозь затуманенные болью глаза Виктория прекрасно видела и главное – осознавала: взгляд девушки источал теперь не равнодушный лунный, но живительный солнечный свет.

Голос исходил из глубины солнечного жара.

Губы девушки оставались сомкнутыми в лёгкой улыбке.

– Ради чего ты бы умерла на самом деле? За что отдала бы свою жизнь без раздумий и колебаний, но с радостью и любовью?

Ответ родился в сердце мгновенным откликом на призыв благодатного светила.

– За жизнь моего ребёнка.

– Это так. Отдай мне твой наибольший страх, и однажды нерождённое дитя обретёт счастливую мать.

Не разжимая губ, Виктория вымолвила душой:

– Я согласна.

* * *

Солнечный свет погас, и ночь накинута на неё покрывало звёздного неба.

Море успокаивающе шелестело за спиной.

Пауза абсолютного покоя, в котором восстанавливалась измученная душа, вдруг канула в небытие.

Падающей звездой мысль пронеслась на периферии сознания: «А какой же страх я отдала незнакомке?»

Произнесённые вслух слова заставили Victорию подпрыгнуть:

– Больше всего на свете я боюсь не научиться любить.

Глава 4

Террорист

Самолёт трянуло с такой силой, что стоящие на столиках тарелки со снедью и чашки с горячим кофе подбросило высоко в воздух.

Багажные полки распахнулись, и на головы обожжённым и обсыпанным едой пассажирам вывалились пакеты и саквояжи.

Вопли и стоны смешались с призывами бортпроводников сохранять спокойствие.

– Мы пролетаем зону повышенной турбулентности!

Крики о помощи заглушали технический усилитель голоса.

Бросив микрофон, и этот стюард кинулся помогать пострадавшим.

* * *

Олжасу казалось, что это его состояние нервной трясучки передалось железной птице.

До турбулентной атаки он уже шесть раз сбегал в туалетную кабинку, а полёт длился всего час. Попытки почитать прессу ничего не дали. Что и неудивительно.

Ну как можно отвлечься от осознания своей скорой смерти!

Он должен это сделать.

Он должен заставить мир измениться.

Он должен...

Чёрт, да он всем вокруг должен!

Пора расправиться с неуместным страхом.

Там, за чертой, его ждёт обещанная награда.

Там он окажется в мире, полном удовольствий и развлечений.

И навсегда оставит на этой брэнной земле всё её постылое несовершенство.

Нельзя затягивать.

Невозможно отложить неизбежное.

Он и так пропустил все сроки.

Самолёт надлежало взорвать полчаса назад. Если они заподозрят его в трусости, то...

Нет, лучше об этом не думать.

Он вообще сейчас не о том думает.

Стиснув голову кулаками, Олжас застонал.

К нему тотчас подскочила услужливая стюардесса с аптечкой в руках. Олжас меланхолично наблюдал за её суетливыми манипуляциями.

Да, он пил только холодную воду, но сейчас, облитый из-за жёсткой тряски, не замечал противной мокроты брюк.

Он вообще почти не чувствовал своего тела.

Словно душа давно покинула и уже забыла некогда бывшую ей оболочкой смертную плоть.

– У вас идет кровь... – испуганный голос бортпроводницы вернул Олжаса в земную реальность.

Белоснежным бинтом, жадно вбивавшим в себя алую жидкость, она безуспешно пыталась остановить истечение жизни из его головы, оцарапанной свалившейся сверху чьей-то тяжёлой коробкой.

Окинув девушку отрешённым взглядом, он никак не отреагировал на тревогу в её глазах.

Он и она, все эти люди напрасно цепляются за жизнь.

Они мертвы, но пока что не догадываются об этом. Но сейчас он им всё разъяснит.

Оттолкнув девушку, Олжас резко встал.

Ойкнув, стюардесса потеряла равновесие и с размаху плюхнулась на колени стонущего поблизости пассажира. Тот открыл было рот для возмущённого окрика, но на том и замер.

Гробовая тишина окутала салон самолёта.

Олжас, возвышающийся посреди прохода, сорвал с себя объёмную куртку и торжествующе демонстрировал всем впившийся в его тело пояс шахида.

Его время, их время пришло.

Подняв руку с зажатым в ней пультом управления смертью, террорист злорадно выкрикнул:

– Сейчас вы все умрёте!

Палец жёстко вдавил красную кнопку в пластиковую безжизненную плоть...

И... ничего не произошло.

Опустив руку, Олжас в немом изумлении вытаращился на вопиющую пустоту во всплывшей от напряжения ладони.

Пульт исчез.

Тихий смех туманной рябью поплыл по салону.

Нет ничего неуместнее презрительности перед смертью.

Взбешённый, Олжас резко развернулся. И встретился лицом к лицу с пустотой.

Рядом никого не было. Наполненные ужасом взгляды пассажиров, вжавшихся в свои кресла, парили где-то за чертой его мира.

Никчёмность их жизней отсылала несчастных на периферию сознания добровольного смертника.

Смех прозвучал снова.

Олжас позволил звуку притянуть внимание и недоуменно уставился на молодого парня в самом конце прохода.

Небрежно привалившись к спинке ближайшего кресла, он поигрывал его, олжасовским (!) пультом и нагло, не скрываясь, рассматривал террориста.

Презрительная полугримаса чуть искажала тонкие черты восточного лица.

Эта неуместная перед лицом смерти, наигранная (как ему показалось) аристократичность отозвалась в перенапряжённом, вошедшем в пике стресса Олжасе взрывом неконтролируемой ярости.

В два длинных прыжка он настиг мерзавца.

Аромат свежего весеннего ветра ощутимой волной коснулся лица.

Мотнув головой, Олжас размахнулся и нанёс удар.

Пол выскользнул из-под ног, и боль огненной вспышкой пронзила голову шипами внутреннего нимба.

Лавровый венец для неудачника.

Распростёршись вдоль кресел, террорист стонал, схватившись за расшибленный, истекающий кровью нос.

Тихий смех поманил вновь.

Вскочив, Олжас повернулся и злобно уставился на преспокойного парня в дальнем конце прохода.

Сжав крепче кулаки и стиснув зубы, смертник помчался к врагу.

И снова – порыв ветра, напоённого ароматами новорождённых дождей и цветов.

Встреча собственной агрессии с физическим отсутствием противника.

Потеря равновесия.

Болезненный удар лбом о стену туалетной кабинки.

– Ты намерен играть со мной до твоего полного поражения?

Вопрос застал Олжаса, бьющегося в лихорадке ненависти и гнева, врасплох.

Так же, как и невидимая стена, внезапно выросшая на его пути.

С размаху врезавшись в незримое препятствие, террорист прочувствовал его всем телом.

Остановившись, он тяжело дышал.

Противник, расположившись в расслабленной позе около ближнего кресла, уже не нарочито, а по заезженной и поднадоевшей привычке поигрывал пультом.

Презрение на его лице смешалось с откровенной скукой.

– Отдай пульт, сволочь! – истерический крик Олжаса взорвал могильную тишину салона.

– Ну почему сразу сволочь? Ведь ты меня совсем не знаешь.

Спокойствие тона этого странного парня неимоверно раздражало. Зарывав от ярости, Олжас остервенело заколотил по невидимой стене:

– Отдай пульт! Отдай пульт! Гад, ненавижу! Я вас всех убью!

– Если докажешь мне необходимость взрыва данного самолёта, то я сам нажму на кнопку.

Парень уселся на свободное кресло, явно готовясь выслушать долгую речь.

– Доказать?! Сволочь, что я ДОЛЖЕН тебе доказать?! Ты кто такой вообще?! Отдай пульт!

Полезная мысль не всегда приходит после сражения.

Перестав колотить незримое препятствие, Олжас торжествующе оскалился.

Распахнув куртку, он демонстративно развернулся к врагу.

– Вот! Тут тоже есть красная кнопка, видишь?! Вы все покойники!

– Валяй, жми.

Его переполненные жаждой смерти слова, казалось, не произвели на парня никакого впечатления.

Равнодушно отвернувшись, тот принялся вдумчиво чистить ногти.

Олжас нажал красную кнопку.

И... ничего не произошло.

Опять НИЧЕГО!!!

Он хотел ничто и получал ничто, но разница между этими двумя формами пустоты воспринималась катастрофически огромной.

Смерть словно играла с ним в прятки, выдавая за желанное земное небытие примитивные пародии на саму себя.

Рука, положенная на пояс шахида, онемела и была как чужая.

И отнюдь не внешнее воздействие было тому причиной, а внутренний голос, неожиданно раздавшийся в глубине души.

«Зачем?» – отчётливо услышал Олжас в собственном сознании.

– Зачем?

Эхом повторил вопрос странный парень.

А может быть, и не повторил, а произнёс вопрос на долю мгновения раньше, чем Олжас отразил его в своём сердце?

Или же оба вопроса, внешний и внутренний, прозвучали одновременно?

Или это был ОДИН вопрос?

– Это ответ на вопрос, идиот.

Парень был или плохо воспитан, или, что вероятнее, не считал Олжаса достойным вежливого обращения.

Ослепительная молния обрётённых впечатлений пронзила сознание Олжаса.

Раскрыв рот, несколько секунд он тупо смотрел на тщательно ковыряющегося в ногтях парня.

Придурок, он забавляется с самым святым, с правом человека на выбор!

Ярость вновь овладела его духом.

– Зачем?! Зачем?! Да затем, чтобы выполнить мою миссию! Мой святой долг!

– И попасть в рай? – меланхолично, не поднимая головы, предположил странный собеседник.

– Да!

Террорист с силой пнул невидимую стену, заскрежетав зубами от впившейся в ногу боли. Ненавидящим взором он обвёл перепуганных людей.

Надежда, появившаяся было в их глазах после изъятия у безумца смертоносного пульта, сменилась глубокой безысходностью.

Совсем маленькие дети данным рейсом не летели, и приглушённый плач девочки и мальчика лет десяти, уткнувшихся в мамину кофту, почти не нарушал непроницаемой могильной тишины.

Прожить ещё несколько дополнительных мгновений, пока длится этот непонятный спор...

Успеть попрощаться, хотя бы мысленно, с любимыми людьми и взлелеянными, но несвершёнными мечтами...

Ещё хотя бы несколько минут...

– Кретин, ты планируешь попасть в рай после убийства трёх сотен неповинных людей?

Гнев с новой силой захлестнул сознание террориста.

Полусознательно Олжас удивился самому себе.

Очередная стычка с непонятным врагом наполняла душу яростью до жизненного предела. Но всякий раз этот предел обнаруживался иллюзорным...

И следующее столкновение приносило нешуточную долю гнева в бушующий океан ненависти.

Сколько же ярости он сможет унести с собой в потусторонний мир? Или её тяжесть придавит душу к земле и заставит гнить в её поганом мире вечно?!

– Да! – он выкрикнул, выплюнул комок чёрной жгучей ненависти в сторону врага.

Приличный такой комок.

Обычно после подобного выплеска ярости становилось легче.

Обычно, но не сейчас.

Гнев утратил всякое сходство с человеческим чувством.

Он стремительно превращался в монструозного мутанта и с целенаправленной безжалостностью душил Олжаса изнутри.

Что происходит, чёрт побери, что происходит?!

– Вы все попадёте в ад, все до одного! А я буду наслаждаться в раю! Я выполню свою миссию!

– Так выполняй. Давай, жми на свою кнопку.

Олжас вздрогнул.

Парень непостижимым образом оказался прямо перед ним.

А ведь он всё это время, несмотря на сражение с сорвавшимся с цепи личным безумием, глаз с него не сводил (не зря прошла подготовка в лагере смертников) и готов был поклясться, что противник даже с места не поднялся!

Попытившись, Олжас чуть не заскулил от неконтролируемого животного ужаса.

Ненависть в его душе сжалась в трясущийся ком густой тьмы.

Ненависть, его родная, тщательно возвращённая ненависть... боялась!

Боялась нечто, исходившего от непобедимого в своей непостижимости незнакомца.

– Нажимай! – глядя на террориста в упор, сцепившись с ним взглядом, парень размеренно вёл наступление.

Отступая, Олжас зашёлся в нервной икоте.

– Нажимай! И посмотрим, где ты окажешься, убив этих людей! Думаешь, в рай попадёте только вы, ты и сторонники твоей веры? А все остальные люди на Земле отправятся в ад? Исключительно потому, что они придерживаются иного мировоззрения? Не из-за плохих дел, а по факту рождения и непринадлежности к твоей системе ценностей, я правильно понимаю? Миллиарды людей, отличных от тебя! Не великоват ли ад у тебя, трусливая бестолочь?

Путь отступления внезапно и категорично закончился.

Олжас безнадёжно упёрся спиной в стену позади себя.

Глаза странного парня оказались в паре сантиметров от его собственных глаз.

Удивительный синий свет невыносимо ярко сиял в устремлённом на террориста взгляде.

Словно само небо, да что там, сам его исток был сутью души этого непонятого субъекта.

Страх сменился гневом.

Инстинкт самосохранения велел: не смог убежать, сражайся. И Олжас почувствовал страстное желание противодействия небесному покою своего врага.

Но вместе с тем он неимоверно жаждал ему сдаться. Потому что в те секунды, когда гнев слабел, изливаясь из него при каждом выдохе, он знал – перед ним вовсе не враг.

Олжас вздрогнул.

Молчаливая дуэль прервалась грубым физическим вторжением. Твёрдый палец вонзился ему под ребро.

Нажатие усилилось, выводя сознание из ступора.

– Неужели ты настолько глуп и наивен?

Олжас открыл было рот, чтобы что-то сказать, хотя ответа у него не было.

Но не успел. Ситуация вновь изменилась.

Палец исчез из-под ребра.

Взгляд нестерпимо сияющих глаз изъясился из загнанной в тупик души.

Со вздохом облегчения Олжас последовал за парнем, плавно перемещающимся вдоль кресел.

Остановившись ровно посередине салона, таинственный собеседник развернулся к Олжасу и широко развёл руки в стороны:

– Что тебе сделали эти люди? Они причинили непоправимый вред тебе или твоим близким? За что ты ненавидишь их? Сдаётся мне, причина здесь вовсе не в Боге.

Наклонившись к сидящей в кресле смертельно бледной женщине, он спросил:

– Признавайтесь, это вы обидели нашего бедолагу?

Женщина вцепилась в руку незнакомца в отчаянном ответе-мольбе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.